

Глава 1. Пролог

Шестнадцать лет назад.

Байлинчуань.

Полдень тонул в чернильном мраке нависших туч, небо без умолку содрогалось от раскатов грома и всполохов молний.

Яростный, поднявшийся до небес вал безжалостно обрушился на прибрежный городок, унеся в пучину сотни жизней. Странно было то, что буря разыгралась без малейшего дуновения ветра, но ещё более жутко выглядело другое: исполинская волна, круша всё на своём пути, устремилась напрямик к Городу Бессмертия.

Грохот!

Мощные удары сотрясали крепостные ворота — этот гул, разносившийся на десятки ли вокруг, заставлял содрогаться саму землю. Удары следовали один за другим без перерыва. Души только что погибших людей, влекомые этим зовом, устремлялись к воротам, соткав в небесах зловещую чёрную пелену.

Наконец створки поддались, приоткрывшись на волосок. Поток мёртвых душ хлынул внутрь, и в то же мгновение наружу вырвался столб удушливой, застилающей небо скверны.

Но не успел этот миг угаснуть, как под грохот нового грозового разряда ворота захлопнулись с прежней тяжестью. Вода отступила обратно в бездну, тучи рассеялись, и лишь несколько морских воронов кружили в опустевшем небе, оглашая воздух хриплыми криками.

Немногие уцелевшие рыбаки, видевшие всё своими глазами, едва не лишились рассудка от леденящего душу воя тысяч призраков. Дрожа от страха, они поспешили домой, и не успело солнце зайти, как весть о жутком знамении облетела весь край. Слухи первыми достигли ушей лазутчиков из Башни Воющей Луны, и всего за три дня весь мир совершенствования узнал о том, что Город Бессмертия пробудился.

Исконные соперники и признанные столпы праведного пути — Дворец Небесного Предела и Секта Освобождения из Ада — немедленно отправили своих лучших людей на разведку. Однако после долгих дней поисков они не обнаружили ничего подозрительного: поднявшаяся было тёмная дымка рассеялась без следа, оставив лишь обычную сырость.

Желая успокоить встревоженных жителей, старейшины Дворца Небесного Предела раздали уцелевшим рыбакам защитные талисманы и марионеток-стражей, после чего покинули побережье. Но Секта Освобождения из Ада рассудила иначе. Они приказали своим людям стоять насмерть и не уходить, пока не разгадают тайну запертых врат. Мелкие кланы и ордена,

искавшие покровительства Секты, тут же заискивающе поддакнули и разбили лагерь в нескольких ли от безмолвных стен.

Так прошёл целый год.

Год тянулся серой чередой унылых дней, не принеся никаких перемен. Вера угасала, и ордена один за другим отзывали своих адептов. В конце концов у стен города остались лишь три захудалые школы — исключительно ради приличия. Старейшины этих мелких сект рассудили, что перед праздниками посторожат лагерь ещё несколько дней, а затем с чистой совестью свернут шатры и отправятся по домам праздновать Новый год — перед верховным руководством отчитаться всё равно будет чем.

Но как раз в те дни, когда небо затянуло серой пеленой и повалил густой, хлопьевидный снег, прямо у подножия крепостных врат обнаружился подброшенный младенец. Он лежал в тёплом свёртке, судя по всему, родившись на свет лишь пару дней назад. Малыш не плакал и не звал на помощь — тихий, круглолицый и бледный, точно вылепленный из чистого снега рисовый колобок.

Я Ин, супруга главы Зала Яростных Ласточек, заглянув в свёрток, почувствовала, как сжалось её материнское сердце.

— На нём нет и следа тёмной скверны, — мягко произнесла она. — Должно быть, кто-то из местных приметил наши дозоры и решился оставить малютку здесь. Я возьму его себе.

Однако её тут же грубо перебили.

— В радиусе двадцати ли вокруг этого проклятого места живой души не сыщешь! Кто в здравом уме потащит дитя к воротам обители мертвецов? Тут явно кроется какой-то подвох! Уж не замышляешь ли ты, госпожа Я Ин, прибрать его к рукам из корыстных побуждений?

— Вот именно! Сначала мы обязаны проверить его кости и духовное чутьё!

— А если это переродившийся демон? В таком случае мы немедленно передадим его в Храм Кровавой Бездны. В конце концов, над нами стоит Секта Освобождения из Ада, и решать судьбу находки точно не Залу Яростных Ласточек!

Какое ещё духовное чутьё у новорождённого крохи? Да и о приёме в орден говорить смешно — проверка костей служила лишь благовидным предлогом. Всем было известно, какими тёмными искусствами промышляют в Храме Кровавой Бездны: то мертвецов поднимают, то ядовитых червей в крови возвращают. Попади младенец к этим мясникам, он не протянул бы и десяти дней.

Я Ин крепче прижала к себе свёрток, и взгляд её сделался ледяным:

— А если я всё же настаиваю?

Несколько человек бесцеремонно шагнули к ней, пытаясь силой вырвать дитя. В суматохе одеяльце приоткрылось, и все увидели багровую, похожую на лепесток пламени метку между бровей младенца.

— Демон! — взревел кто-то.

Я Ин захлестнул гнев. Вокруг её тела мгновенно взвился вихрь леденящей демонической энергии, отбросивший нападавших прочь. На её висках проступили тонкие узоры из перьев — знак её истинной природы, и подавляющая духовная аура заставила наглецов замереть на месте.

— Успокойся, дорогая. Иди в шатёр, а здесь я сам разберусь.

Из толпы выступил глава Зала Яростных Ласточек, Янь Циншань, и заслонил собой супругу. Обычно мягкий и добродушный, сейчас он говорил твёрдо, и каждое его слово весило немало:

— Кем бы ни было это дитя, демоном или обычным смертным, сейчас оно лишь беспомощный младенец. Вы ведь зовёте себя солью земли и гордостью праведных орденов, так негоже ли вам опускаться до расправы над грудным ребёнком?

— Но у него на лбу демоническая печать!

— Если он действительно отмечен кровью демонов, то Залу Яростных Ласточек и надлежит за ним приглядывать, — прищурился Янь Циншань, лишая спорщиков последней надежды на возражение. — Если у кого-то остались сомнения, пишите прошение главе Секты Освобождения из Ада. Коли он прикажет отдать младенца — я препятствовать не стану. Но до тех пор, по крайней мере этой ночью, никто из вас не посмеет к нему прикоснуться!

— Глава зала Янь! Да как ты смеешь...

— Всего хорошего.

Янь Циншань увёл супругу в лагерь. Оставшиеся снаружи лишь бессильно скрежетали зубами: затевать драку между своими на глазах у всех было непозволительно, а потому они бросились к клеткам, наперебой отправляя почтовых духовных птиц с доносами.

В шатре Зала Яростных Ласточек весело потрескивали угли в жаровне. Я Ин напоила приёмыша тёплым молоком и, дождавшись, пока его щёчки порозовеют, принялась обыскивать пелёнки в поисках памятных знаков. На дне свёртка действительно обнаружилось письмо, оставленное родителями. Прочитав его и внимательно осмотрев тельце малютки, супруги переменились в лице. Быстро переговорив, они тут же набросали ответное послание.

Духовный вестник, заглотив свиток, вспорхнул в ночное небо и, обогнув безмолвные стены Города Бессмертия, устремился на северо-запад.

В час Крысы тишину разорвал жуткий механический скрежет и глухой стрёкот, от которого задрожали стёкла в походных фонарях. Спать под такой грохот было решительно невозможно. Недокученные, заспанные люди потянулись из палаток наружу.

Перед ними предстало удивительное зрелище: сквозь снежную бурю к лагерю приближался огромный деревянный механизм, на хребте которого величественно восседал заклинатель в развевающихся белоснежных одеждах. Следом за ним, мерно шурша шестернями, двигалась тяжело нагруженная летучая платформа.

Бам!

Тяжёлая туша механического зверя с грохотом опустилась на землю, взметнув тучи снежной пыли. От этого удара земля под ногами ощутимо содрогнулась. Приземление вышло поистине царственным.

— Кхе-кхе... Кто там ещё пожаловал? Назовите себя!

— Эти земли принадлежат Секте Освобождения из Ада! Кто посмел нарушить ночной покой?!

— Пойдите, а это ещё что за тварь?

Огромные суставчатые лапы механического зверя разогнали клубы пыли, чудище плавно опустилось на брюхо, позволяя своему наезднику сойти на снег. Белое одеяние незнакомца сияло чистотой, в аккуратной нефритовой заколке красовалось тонкое журавлиное перо, а благородное лицо казалось сошедшим с древней парсуны — настолько безупречными были его черты. Юноша окинул собравшихся ледяным взглядом, в котором явное отвращение мешалось с едва сдерживаемым гневом. Его безупречный, почти неземной облик и величественная, холодная отстранённость в этой глухой, тёмной ночи заставили дозорных почувствовать себя жалкими оборванцами, извалявшимися в грязи.

Кто-то протёр глаза и, разглядев на белом шёлке узоры Дворца Небесного Предела, а за спиной заклинателя — диковинные очертания механического зверя, испуганно вскрикнул:

— Это же Бессмертный Тайвэй!

— Хэ Бугуй?! Быть не может! Ему же должно быть под сотню лет, а этот юнец едва разменял третий десяток! Слишком молод!

— А кто ещё, по-твоему, во всём мире совершенствования способен управлять столь совершенным творением? Если память мне не изменяет, этого деревянного зверя зовут Лушу, в честь древнего мифического чудовища. Это личный телохранитель Бессмертного Тайвэя!

— Но если это он, зачем пожаловал в нашу глушь? Люди ведь болтают... мол, он совсем умом повредился от своих марионеток.

«Какая невыносимая шумиха».

Взгляд Хэ Бугуя сделался ещё холоднее. Огромный Лушу за его спиной сделал тяжёлый шаг вперёд. Внешне Лушу походил на коня с тигровыми полосами. И хотя сейчас он уменьшил свои размеры в несколько раз, его мощь по-прежнему подавляла волю. Слабые духом дозорные невольно попятились.

Сопровождавшая Хэ Бугуя кукла-слуга выступила вперёд и, вежливо поклонившись, спросила:

— Находится ли здесь почтенный Янь Циншань, глава Зала Яростных Ласточек?

Присутствующие переглянулись. С тех пор как Янь Циншань унёс младенца, прошло всего пару часов, и надо же — за ним уже явились. Слишком быстро для простого совпадения.

— А ты ещё кто такой?

Слуга почтительно отозвался:

— Мой господин носит фамилию Хэ.

Дозорные напряглись: кто-то крепче сжал рукоять меча, кто-то потихоньку начал плести боевую печать под широкими рукавами. Всё сошлось без лишних слов. Личность незваного гостя подтвердилась, и воздух над лагерем мгновенно зазвенел от напряжения.

В те времена во всём мире совершенствования лишь трое носили великий титул Бессмертных, и все они принадлежали к Дворцу Небесного Предела. Хэ Бугуй, Бессмертный Тайвэй, прославился на всю Поднебесную своим непревзойдённым искусством создания марионеток. Вот только слухов о нём ходило бесчисленно. Говорили, что он надменен, безучастен к чужим бедам, годами не покидает своей уединённой обители и напрочь лишён простых человеческих чувств. Поговаривали, будто страсть к сотворению искусственной жизни давно свела его с ума, а из-за искажения ци путь к истинному вознесению закрылся для него навеки.

Зачем же этому живому мифу понадобилось лично являться сюда в такую метель? Секта Освобождения из Ада спокон веков враждовала с Дворцом Небесного Предела. И если этот безумный мастер явился за младенцем, то кто сможет преградить ему дорогу?

Пока дозорные колебались, из крайнего шатра донёлся залиvistый детский плач. Полог откинулся, и навстречу гостям торопливо вышел Янь Циншань. Завидев Хэ Бугуя, он на миг опешил, но тут же вежливо поклонился:

— Янь Циншань приветствует Бессмертного Тайвэя.

— Приветствую, — сухо отозвался тот.

Хэ Бугуй едва заметно склонил голову. Детский плач больно резал слух, заставляя его морщиться.

— Дозорные Башни Воющей Луны донесли, что у врат Города Бессмертия найден подкидыш. Глава нашего ордена поручил мне разобраться с этим делом.

Янь Циншань отступил в сторону, открывая проход:

— Дитя в тепле. Прошу вас, проходите.

Но один из чересчур ретивых адептов Храма Кровавой Бездны решил показать характер:

— С каких это пор Дворец Небесного Предела среди ночи грабит земли Секты Освобождения из Ада?! Гордитесь своим благочестием, а сами... А-а-а!

— Оскорбление моего господина карается смертью, — раздался бесстрастный механический голос.

Кукла-слуга Хэ Бугуя двигалась подобно призраку. Остриё её клинка уже упиралось в кадык крикуна. Сила, исходившая от этой марионетки, заставила бы побледнеть даже бывалых мастеров.

— Почтенному даосу лучше побережь язык, — тихо добавил слуга.

В тон ему Лушу угрожающе всхрипнул. Волна чистейшей духовной энергии, тяжёлая, словно сорвавшаяся лавина, прокатилась по лагерю, повалив зевак на землю. Спорщики мгновенно растеряли всю свою спесь.

Стоило Хэ Бугую переступить порог шатра, как надрывный детский плач стих, уступив место сопению. Янь Циншань подвёл гостя к деревянной колыбели. Малыш уставился на Бессмертного своими ясными пуговками-глазами и забавно потянул к нему крохотные ручки. Однако алое пятно между его бровей горело так ярко, что Хэ Бугуй нахмурился ещё сильнее.

Заклинатель не спешил приближаться. Он замер в паре шагов и мягко коснулся дитяти своей духовной волей, проверяя каналы ци и меридианы. Ничего дурного в теле младенца не обнаружилось.

— Мы проверили его кости и каналы души, — негромко произнёс Янь Циншань. — Мальчик чист, если не считать вот этого...

Я Ин осторожно отвернула край одеяльца:

— Такие же отметины есть на его плечах, запястьях, груди, у пупка и на коленях. Это не наложенное заклятие, а врождённые знаки. Нам, демонам, они до боли напоминают родовые клейма.

Родовые знаки демонов оставались с ними от рождения до самой смерти. Если эти странные багровые узоры были врождёнными, они неминуемо навлекли бы на сироту беду, заставив всех сомневаться в его человеческой природе.

— Об этих знаках... снаружи кто-нибудь знает? — прервал молчание Хэ Бугуй.

— Они заметили только тот, что на лбу, — ответила Я Ин. — О других знаем лишь мы двое. Да и того, что это мальчик, снаружи тоже никто не понял.

— Бессмертный Тайвэй, — осторожно начал Янь Циншань. — Дитя ни в чём не виновато. Пусть его появление и окутано тайной, в Храме Кровавой Бездны его ждёт верная гибель. Я тайно связался со своими людьми в Башне Воющей Луны лишь ради того, чтобы Дворец Небесного Предела укрыл мальчика. Ну или пристроил его в надёжные руки. Моя супруга сама недавно родила, и у неё сердце разрывается от жалости к сироте. Прошу вас, явите милосердие, защитите его.

— Мы бы и сами вырастили его, — тихо добавила Я Ин, ласково похлопывая заснувшего младенца по боку, — но вы сами видели, какая свора дежурит за порогом. Завтра же сюда нагрянут гонцы из Храма Кровавой Бездны или самой Секты Освобождения из Ада, и нас силой заставят отдать малютку. Если в его рождении замешана магия Города Бессмертия, то укрыть его под крылом вашего великого ордена — благо для всего мира. Умоляю, соглашайтесь.

Хэ Бугуй не проронил ни слова. Он начертил пальцем в воздухе светящуюся печать, которая обернулась крохотной птицей-вестником и выпорхнула наружу. Только после этого он произнёс:

— Завтра прибудет мой старший брат. Окончательное решение примем после его осмотра.

Супруги обеспокоенно переглянулись.

— Наш Зал Яростных Ласточек подчиняется Секте Освобождения из Ада, — подал голос Янь Циншань. — Снаружи стоят их люди. Узнав, что мы тайно призвали на помощь Дворец Небесного Предела, они могут пойти на крайности.

Хэ Бугуй лишь слегка шевельнул пальцами, и снаружи тотчас раздался глухой стук дерева и лязг металла. Десятки тяжеловооружённых марионеток-стражей, чьё мастерство владения мечом превосходило лучших мастеров стадии Зарождения Души, сомкнули кольцо охраны вокруг шатра. Теперь, даже если бы сюда явилась вся верхушка Секты Освобождения из Ада, им не удалось бы пробиться силой.

Янь Циншань почтительно склонился:

— Благодарю за милость, Бессмертный.

Хэ Бугуй небрежно махнул рукой и сухо бросил:

— Мой шатёр по соседству.

После чего покинул супругов. Вокруг его жилища, помимо десятка безмолвных мечников-марионеток, замер дремлющий зверь Лушу, а на самом верху палаточного шеста свернулась исполинская стальная змея — легендарная Башня-Башэ. Она грозно шипела, давая понять каждому, что приближаться к лагерю смертельно опасно.

На рассвете следующего дня, едва небо окрасилось в розовато-серые тона, над холмами пронеслась группа заклинателей в белом. Ровно и слаженно они сошли со своих летающих мечей прямо перед шатром Хэ Бугуя.

Один из дозорных Секты Освобождения из Ада, которому так и не удалось нормально выспаться за ночь, гневно высунулся из своей палатки:

— Да кого там опять принесло на рассвете?!

— Замолчи, безумец! — шикнул на него товарищ, перепуганно зажимая ему рот. — На сей раз к нам пожаловал сам Бессмертный Тайбай!

Шедший впереди всех старейшина носил высокий нефритовый венец. Черты его лица дышали благородством и красотой, на губах играла мягкая улыбка, а уголки глаз были слегка приподняты, придавая ему на удивление добродушный и открытый вид. На его плече преспокойно восседала белоснежная кошка с пронзительно-голубыми глазами, которая с любопытством озиралась по сторонам.

Его парадные одежды, расшитые узорами из сосновых ветвей и бамбука, были сотканы из тончайшего шёлка подводных дев-русалок, что сразу выдавало человека высочайшего положения. Предводитель небесного воинства, Хранитель Дворца Небесного Предела — Бессмертный Тайбай, Бай Инчи.

— Доброго утра, господа, — звучным, чистым голосом поприветствовал собравшихся он, приветливо улыбаясь. — Наслышан о здешних краях. Меня зовут Бай Инчи, прошу прощения за столь ранний визит.

Но за этой кажущейся мягкостью скрывалась сила, превосходившая даже Хэ Бугуя. Возглавляющий Свиток Небесных Воителей, великий защитник праведного пути, Бай Инчи был живой легендой Поднебесной. Одно его слово могло ввергнуть весь мир совершенствования в хаос, и случись здесь оказаться самому владыке Секты Освобождения из Ада, тот был бы обязан склонить перед ним голову.

Дозорные притихли, страшась издать малейший шорох, и поспешно расступились, освобождая дорогу высокому гостю.

— Что вы, почтенный Бессмертный...

— Добро пожаловать...

— Просим вас, проходите...

— Младший брат! — Бай Инчи окинул взглядом лагерь и направился напрямик к белому шатру. — Младший, ты уже проснулся?

Кукла-слуга у входа едва заметно покачала деревянной головой и склонилась в поклоне.

— Сильно он вчера злился? — шёпотом спросил Бай Инчи.

Слуга кивнул:

— Очень сильно.

— И... чем он был занят, когда пришёл твой вестник?

— Господин отыскиал редчайшую жилу духовного металла. Не успел он замахнуться киркой, как перед его лицом разом взорвались три десятка почтовых птиц. От неожиданности он едва не рухнул в расщелину.

— А... жила? — с замиранием сердца спросил глава ордена.

— Благоприятный час был упущен. Жила рассеялась без следа.

— Ох, беда... Ну теперь его вовек не задобрить.

Хэ Бугуй редко покидал свою уединённую вершину, и если уж шёл на это, то исключительно ради редчайших металлов для своих марионеток. Лишиться бесценной добычи из-за каприза старшего брата, да ещё и провести холодную ночь в компании неотёсанных грубиянов — от такого кто угодно придёт в бешенство.

Бай Инчи робко приподнял край полога и позвал в образовавшуюся щёлочку:

— Младший, братец кругом виноват! Я специально заскочил в Цюланчэн и купил твоих любимых сладостей с османтусом. Ещё горячие, прямо из печи! Вставай, поешь.

Изнутри не донеслось ни звука, однако механическая змея Башэ резко соскользнула с шеста, сжалась до размеров небольшого ужа и, скользнув к ногам гостя, пребольно цапнула его за лодыжку.

— Ой-ёй!

Гнев мастера марионеток был страшен. Наподдать стальной змейке Бай Инчи не посмел, и к великому его облегчению в этот момент из соседнего шатра показался Янь Циншань.

— Янь Циншань приветствует Бессмертного Тайбая!

— Полно вам, — Бай Инчи мгновенно отпустил ткань полога и повернулся к хозяину с самой лучезарной улыбкой. — Мой младший брат, судя по всему, ещё поживает. Расскажите пока вы, что здесь вчера приключилось.

— Прошу вас в мой шатёр, почтенные господа. Путь от Дворца был неблизким, выпейте чаю с дороги и отдохните.

Он радушно пригласил спутников главы ордена во внешний зал шатра, а самого Бай Инчи повёл во внутренние покои.

Глава Зала ещё раз подробно изложил историю находки. Осмотрев младенца и прочитав прощальное письмо родителей, Бай Инчи сокрушённо покачал головой, однако забирать сироту во Дворец Небесного Предела по-прежнему не спешил.

Я Ин принялась мягко уговаривать гостя:

— Вы только взгляните на его личико, Бессмертный. Кожа белая, нежная, точно рисовый колобок. Ну разве не чудо?

Бай Инчи, хоть и не связал себя узами брака, в молодости нередко приглядывал за младшими учениками. Вид этого беззащитного комочка пробудил в нём нежность. Он потянулся было пальцем, чтобы легонько коснуться пухлой щёчки, но младенец вдруг зашёлся таким истошным криком, что у всех присутствующих заложило уши.

Рука Бессмертного застыла в воздухе:

—...

— Вы только послушайте, какой голосок! Здоровый, крепкий малый, — не унималась Я Ин. — Да и кости у него отменные, вырастет великим мастером. К тому же, Бессмертный Тайвэй вчера едва вошёл, как малыш тут же утих. Не иначе как сама судьба свела их.

Словно в подтверждение её слов, в шатёр вошёл Хэ Бугуй, сонно потирая веки. В то же мгновение рёв младенца прекратился.

Бай Инчи так и обомлел. Судьба или нет, но его младший брат явно обладал удивительной способностью мгновенно утихомиривать крикливых детей.

Не успел глава ордена раскрыть рта, как Хэ Бугуй, даже не взглянув на него, твёрдо произнёс:

— Мы забираем его.

Голос Хэ Бугуя звучал хрипло — судя по всему, он так и не выспался. И хотя выглядел мастер не лучшим образом, его слова не допускали возражений. Поняв, что решение принято окончательно, Бай Инчи вежливо попросил Янь Циншаня и Я Ин выйти. Но едва за ними закрылся полог, как он нетерпеливо протянул к нему руку:

— Где сладости?

Бай Инчи поспешно полез в рукава и принялся выкладывать угощения:

— Вот, держи. Пироги с османтусом, сладкий творог, а ещё вяленая слива. Присядь, поешь спокойно, не торопись.

Он побоялся убирать свежую выпечку в мешок Цянькунь, чтобы запахи не смешались, иначе

младший точно закапризничал бы. Пока нёс свёртки в широких рукавах, даже кожу на запястьях напекло. Хэ Бугуй молча принял угощение, разломил пирог пополам и одну часть бесцеремонно запихнул прямо в рот старшему брату, а вторую протянул белой кошке:

— Бабушка, угощайтесь.

Кошка благодарно мяукнула, перехватила лакомство зубами и вспрыгнула на кровать к младенцу. Быстро управившись с едой, она принялась обнюхивать спящего ребёнка.

Бай Инчи достал шёлковый платок, вытер губы и спросил:

— Младший, у тебя есть догадки, чья это кровь?

Стоило ему заговорить, как младенец снова зашёлся истошным криком. Белая кошка от неожиданности вздыбила шерсть. Бай Инчи попытался было его укачать, но дитя орало всё громче и надрывнее. Пришлось призвать на помощь Хэ Бугуя. Тот неохотно подошёл ближе, и стоило краю его белоснежного рукава скользнуть в колыбель, как цепкие детские пальчики мёртвой хваткой вцепились в ткань. В шатре вновь воцарился покой.

— Обычная плоть и кровь, ничего демонического, — Хэ Бугуй попытался осторожно высвободить шёлк из крохотного кулачка, но младенец держал крепко. — Однако он тесно связан с Цзи Сюанем.

— С Цзи Сюанем? Тем самым Первым великим мастером марионеток древности? — изумился Бай Инчи. — Но ведь он ушёл за грань больше тысячи лет назад! Какая тут связь? Хочешь сказать, это его перерождение?

— Вряд ли, — Хэ Бугуй перевёл взгляд на багровую метку на лбу мальчика. — Его тело отмечено узорами свившегося дракона, причём расположены они строго на суставах и жизненно важных точках. Это не простые родимые пятна. В старинных свитках сказано, что Цзи Сюань клеймил свои лучшие творения именно такими знаками, и места их нанесения в точности повторяли те, что были у него самого.

— Но если это не сам Цзи Сюань, то не кукла же его переродилась в человеческом теле? Марионетка — вещь неодушевлённая, а перед нами живое дитя.

— В письме родителей сказано, — задумчиво произнес Бай Инчи, — что мальчик заговорил, когда ему не исполнилось и месяца. И первым его словом было «Вечность». Это так напугало его близких, что они бросили его у врат. Похоже, это место выбрали вовсе не отец с матерью. Малютка сам привёл их сюда.

— Взгляни-ка на это, брат, — Хэ Бугуй наконец отпустил рукав.

Он взмахнул рукой, чертя в воздухе светящиеся точки, соответствующие багровым отметинам на теле младенца. Когда он соединил их тонкими линиями, перед ними завис сложный трёхмерный узор защитной печати.

— Стоит сместить хоть одну точку на долю цуня, и весь контур распадётся, — пробормотал поражённый Бай Инчи. — Но здесь баланс выверен безупречно. Потрясающее мастерство... Неужели работа самого Цзи Сюаня?

— Именно так, — Хэ Бугуй погасил сияние и указал пальцем на низ живота младенца. — Печать наложена с единственной целью — уберечь нечто, сокрытое в его даньтяне. Моё духовное чутьё сквозь неё не проходит.

— Позволь мне.

Он перехватил руку брата и покачал головой:

— Не стоит. Дело не только в защите. Сейчас там пусто. Полагаю, то, что сокрыто внутри, ещё попросту не проявило себя.

— И что же это может быть?

— Точно сказать не могу. Но если гадать...

Хэ Бугуй замолчал. Взмахом руки он развеял чертёж и начертал в воздухе два коротких иероглифа: «Ключ».

Тот самый, что способен отворить врата Города Бессмертия.

Тысячу лет назад Город Бессмертия звался Городом Вечности. Его правителем был легендарный Цзи Сюань. Почти всё его население состояло из марионеток. Мастер прибег к запретным искусствам, заточив мятущиеся души в деревянную плоть, лишив их возможности переродиться, но подарив взамен бессмертие. И эти бездушные создания веками жили в стенах города, словно обычные люди.

Но со временем разум мастера помутился. Под претекстом истребления скверны он учинил великую резню, собирая всё новые и новые души для своих безумных опытов. Обеспокоенные его жестокостью праведные ордена объединились и пошли на него войной. Чтобы спасти своё детище, Цзи Сюань до капли истощил свои духовные силы, навеки запечатал Город Вечности и сам отошёл в небытие.

С тех пор минуло больше тысячи лет. Десятки тысяч неприкаянных призраков до сих пор томятся в каменном плену. Запертый город испускает столь мощные потоки смертоносной скверны, что в радиусе сотни ли земля превратилась в безжизненную пустыню, объятую

ядовитым туманом и мором.

Но даже полчища голодных призраков не могли остановить тех, кто жаждал проникнуть внутрь. Ходили слухи, что древние сокровищницы города ломаются от артефактов, а половина всех легендарных клинков Поднебесной была выкована лично руками Цзи Сюаня. Искатели наживы мечтали разграбить эти богатства, адепты тёмных путей — подчинить себе силу мёртвого воинства и заполучить свитки с запретными техниками. В погоне за властью и золотом люди слепли от алчности. Кого из них заботило, какая беда обрушится на мир, если выпустить на волю миллиарды разгневанных призраков?

И если Цзи Сюань потратил столько сил, чтобы спрятать что-то в теле новорождённого, то это мог быть только Ключ. Если узоры на коже младенца действительно оберегали Ключ, мальчик был обречён. Стоило тайне раскрыться, и он превратился бы в желанную добычу для каждого безумца в Поднебесной.

— Что ж, — вздохнул Бай Инчи, — тогда нам тем более нужно забрать его во Дворец.

Белая кошка спрыгнула с постели и, едва коснувшись лапами пола, обратилась седовласой пожилой женщиной. Она бережно подняла младенца на руки:

— Отдайте мальчика мне. Уж я, его бабушка Гуань Ся, позабочусь о том, чтобы во Дворце Небесного Предела он рос в тепле и покое.

— Отличная мысль. Спасибо вам, бабушка Гуань Ся, — улыбнулся Бай Инчи. Он слегка отогнул пелёнку и коснулся лба малышки кончиком пальца. Спустя мгновение алое пламя между бровей мальчика погасло, скрывшись под кожей. — Вернувшись, мы дадим ему другое имя и укроем от чужих глаз. Пока стоит наш орден, волос не упадёт с его головы.

Решив всё, посланники Дворца вместе с ребёнком поднялись на борт летучего корабля Хэ Бугуя.

Перед самым отплытием Бай Инчи вручил Я Ин сверкающий зелёный лист бамбука — знак признательности за её милосердие, спасшее жизнь сироте. Глава ордена пообещал, что если Секта Освобождения из Ада вздумает наказать Зал Яростных Ласточек за самоуправство, Дворец Небесного Предела непременно вмешается и защитит их.

В ответ растроганная женщина протянула расшитый шёлковый мешочек, предназначавшийся младенцу:

— Пусть я была ему матерью лишь одну ночь, сердце моё всегда будет болеть за него. Надеюсь, когда он вырастет...

— Она непременно вырастет красавицей, а этот мешочек станет её приданым, когда придёт

срок выдавать её замуж, — бесстрастно перебил её Хэ Бугуй, намеренно искажая правду, дабы сбить возможных соглядатаев с толку. Он самолично забрал подарок и бережно спрятал его в рукав. — Мы сохраним его и обязательно расскажем ей о вашей доброте. Берегите себя.

Летучий корабль стремительно набирал высоту, уносясь на северо-запад. Солнце поднялось высоко, и палуба раскалилась так, что на ней можно было печь лепёшки.

Хэ Бугуй сидел в тени навеса с мрачным видом. Слуги безуспешно пытались растормошить его: обмахивали веерами, зажигали успокаивающие благовония, но всё было тщетно — мастер пребывал в прескверном расположении духа.

Он планировал лететь на отдельном судне, чтобы наконец выспаться, но Бай Инчи умолял его о совместном путешествии с таким упорством, что отказать было невозможно. К тому же стоило ему отойти от младенца хоть на шаг, как тот принимался голосить с такой силой, что звон стоял на всю округу.

Делать было нечего: он сидел на краю колыбели, безропотно отдав свой рукав на растерзание малютке, а сам дремал, прислонившись спиной к деревянному борту.

— У мальчика до сих пор нет имени, надо бы это исправить, — улыбнулся Бай Инчи, поворачиваясь к пожилой спутнице. — Раз уж он стал вашим названным внуком, вам, бабушка, и решать.

— Назовем его Эрьюгоу, — не задумываясь, выпалила та.

Бай Инчи так и застыл с открытым ртом, силясь переварить услышанное.

— А... фамилия?

— Мою ему дать или дедовскую? Если мою, то будет Гуань, а если деда — то Хэй.

Но хоть Гуань Эрьюгоу, хоть Хэй Эрьюгоу — звучало это одинаково чудовищно.

— Может... — осторожно предложил глава ордена, — выберем ещё несколько вариантов, а потом решим?

— Тогда Дачжу.

— Или Течуй.

— Ну или Шадань.

Старушка искренне верила, что простые и грубые имена уберегут ребёнка от злых духов, а потому выдавала одно краше другого. Даже полусонный Хэ Бугуй, пропускавший большую часть разговора мимо ушей, невольно поморщился. Он приоткрыл глаза и произнёс первую фразу с момента отплытия:

— Раз уж его судьба связана с тем мастером, пусть носит фамилию Юй.

— Юй? — заинтересовался Бай Инчи. — Почему именно она?

— Велижайшим творением Цзи Сюаня, принёсшим ему славу, была кукла, ради завершения которой он устроил пир на целый месяц, созвав гостей со всей Поднебесной, — Хэ Бугуй устало потёр виски. — Ту марионетку он вырезал из чистейшего холодного нефрита и нарёк простым именем Юй.

— Красивая фамилия. А как мы его назовём?

Хэ Бугуй неохотно погрузился в раздумья. Лениво шевеля пальцами, он дразнил младенца шёлковым краем рукава, как вдруг раздался громкий треск. Малютка проявил поистине нечеловеческую силу и начисто оторвал кусок драгоценной ткани. Счастливый, он тут же запихнул добычу в рот, пуская слюни и глупо улыбаясь.

Хэ Бугуй:

—...

«До чего же странное дитя. Ему и впрямь только имя Эргоу и подходит!»

— Младший, не сердись, — рассмеялся Бай Инчи. — Я велю соткать тебе десяток новых нарядов. Гляди, как он к тебе тянется. Это точно перст судьбы. Дай ему хорошее имя.

Хэ Бугуй смерил приёмьша долгим, нечитаемым взглядом. Мальчик действительно был очень странным. Но в то же время — на редкость милым.

Нефрит прекрасен, размышлял он, но слишком хрупок. Драгоценный камень легко разбить, словно человеческую жизнь. Но если нефрит будет прочным и безупречным — без малейшего изъяна, — то убережёт своего владельца от невзгод.

Он поправил надорванный рукав и тихо произнёс:

— Пусть зовётся Уцюэ.

— Юй Уцюэ... — задумчиво повторила бабушка Гуань Ся. — Красиво звучит. А какой в этом смысл?

— Уцюэ — безупречный, — Бай Инчи ласково погладил младенца по крохотной щеке, и взгляд его потеплел. — Драгоценный камень наделён душой. В час беды он принимает удар на себя, раскалываясь ради спасения хозяина. Нарекая тебя Уцюэ, твой названный дядя желает тебе прожить долгую жизнь, не зная потерь и невзгод.

Жить без печалей, в вечном покое и радости.

Бабушка Гуань Ся довольно закивала и крепче прижала к себе спящего кроху:

— Замечательное имя! Слышишь, егоза? Отныне тебя зовут Юй Уцюэ!

<http://bllate.org/book/20165/2111861>